

УДК 30.308

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10414

ВЛАСТЬ КРИЗИСОВ НАД ИСТОРИЕЙ: ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ВЕЛИКИХ И БОЛЬШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОВОРОТОВ С III ВЕКА ДО СОВРЕМЕННОСТИ, РЕСТАВРАЦИЯХ В РЕВОЛЮЦИЯХ И НЕОМЕРКАНТИЛИЗМЕ В НАШЕ ВРЕМЯ

Рецензия на: Колташов В.Г. Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм: монография. М.: РУСАЙНС, 2019 – 224 с.

Коряковцев Андрей Александрович,

Уральский государственный педагогический университет,
кафедра социологии, философии и культурологии, доцент,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-1745-0361,
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2020, принята к публикации 01.09.2020

Для цитирования: Коряковцев А.А. Власть кризисов над историей: об исследовании Великих и Больших экономических поворотов с III века до современности, реставрациях в революциях и неомеркантилизме в наше время // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 213-224. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10414

Аннотация

В рецензии проанализировано содержание монографии, посвященной актуальной теме: мировым и национальным экономическим кризисам и их социальным

© Коряковцев А.А., 2020

последствиям. Автор исследует кризисы, начиная с III века вплоть до современно-го. Использование столь обширного исторического материала связано с тем, что автор стремится отразить закономерности протекания экономических кризисов. Методологически исследование примыкает к марксистской традиции. Однако новизна привлекаемого материала заставляет автора выходить за рамки привычной марксистской сетки понятий. Он дополняет марксистскую оптику рассмотрения общественных процессов микрокопированием – приближением к незаметному издалека и макрокопированием – уменьшением большого, удалением от него и рассмотрением его в связи с другими большими событиями в контексте большого исторического потока. В результате этого ему удается убедительно показать иерархию кризисов и выделить Великие, Большие и Средние (обычные) экономические кризисы. Сам экономический кризис оказывается органической частью сложного социального явления, включающего в себя социальную и политическую революцию, а так же реставрацию. Впервые в российской историографии раскрывается экономический смысл реставраций. Обращаясь к современности, В. Колташов формулирует концепцию неомеркантилизма. Неолиберальная модель капитализма, основанная на системе глобального свободного рынка, на экспорте капиталов и производствах, предполагающая уничтожение или сокращение национальной промышленности и снижение стоимости совокупной рабочей силы, получает сильнейший, если не смертельный, удар. В новых исторических условиях она не удовлетворяет потребностям ни господствующих классов, ни рядовых граждан, ибо не решает социальных проблем, а только обостряет их. Вместе с тем, в обществе отсутствует класс, способный совершить антикапиталистическую революцию и создать общество на принципиально новых, социалистических, началах. Поэтому прийти на смену неолиберализму способна только иная модель капиталистической экономики. Это неомеркантилизм. Он представляет собой систему национальных экономик, в условиях экономических (и не только) войн практикующих протекционизм, развитие национальной промышленности, госрегулирование и мобилизационные практики. Все это предполагает социальную коррекцию капитализма, увеличение роли социально ориентированного перераспределения и госрегулирования.

Ключевые слова:

экономический кризис, социальная революция, реставрация, волны Кондратьева, неолиберализм, неомеркантилизм.

THE POWER OF CRISES OVER HISTORY: ON THE STUDY OF GREAT AND BIG ECONOMIC TURNS FROM THE THIRD CENTURY TO THE CONTEMPORANEITY, RESTORATIONS IN REVOLUTIONS AND NEO-MERCANTILISM IN OUR TIME

Review of: Koltashov V.G. Capitalism of crises and revolutions: how formation epochs change, long waves are born, restorations die, and neo-mercantilism begins: monograph. M.: RUSAJNS, 2019. – 224 pp.

Andrey A. Koryakovtsev,

Ural state pedagogical university,
Department of Sociology, philosophy and cultural studies,
Associated Professor, PhD,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-1745-0361,
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Article received on April 10, 2020, accepted on September 1, 2020

To cite this article: Koryakovtsev, A.A. (2020). Vlast' krizisov nad istoriej: ob issledovanii Velikih i Bol'shikh ekonomicheskikh povorotov s III veka do sovremennosti, restavracijah v revolyucijah i neomerkantilizme v nashe vremya [The power of crises over history: on the study of Great and Big economic turns from the third century to the contemporaneity, restorations in revolutions and neo-mercantilism in our time]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 213–224. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10414

Abstract

The review analyzes the content of the monograph devoted to the vital topic: world and national economic crises and their social consequences. The author explores the crises from the third century up to the present. The use of such extensive historical material is due to the fact that the author seeks to reflect the low of economic crises. Methodologically, the study adheres to the Marxist tradition. However, the novelty of the material involved forces the author to go beyond the usual Marxist grid of concepts. It complements the Marxist optics of considering social processes by microscoping – approaching the invis-

ible from a distance and macroscoping – reducing the large, moving away from it and considering it in connection with other major events in the context of a large historical stream. As a result, he is able to convincingly show the hierarchy of crises and highlight the Great, Large, and Average (ordinary) economic crises. The economic crisis itself is an organic part of a complex social phenomenon that includes social and political revolution, as well as restoration. For the first time in Russian historiography, the economic meaning of restorations is revealed. Referring to the present, V. Koltashov formulates the concept of neomercantilism. The neoliberal model of capitalism, based on a system of global free markets, on the export of capitals and productions, which assumes the destruction or reduction of national industry and a reduction in the value of the total labor force, receives the strongest, if not the deadliest, blow. In the new historical conditions, it does not meet the needs of either the ruling classes or ordinary citizens, because it does not solve social problems, but only exacerbates them. At the same time, there is no class in society that can make an anti-capitalist revolution and create a society on fundamentally new, socialist principles. Therefore, only a different model of capitalist economy can replace neoliberalism. This is neomercantilism. It is a system of national economies that practice protectionism, development of national industry, state regulation and mobilization practices in the conditions of economic (and not only) wars. All this implies a social correction of capitalism, an increase in the role of socially oriented redistribution and state regulation.

Keywords:

economic crisis, social revolution, restoration, Kondratiev waves, neoliberalism, neomercantilism.

В позднесоветское и пореформенное время в Россию хлынула масса новой философской, художественной и научной литературы – и не только из спецхранов, но и из-за рубежа. Научная интеллигенция жадно набросилась на нее, и этот интерес психологически был понятен и обоснован.

Следовало бы ожидать, что столь масштабное освоение новых научных данных, теорий, концепций, гипотез даст тут же потрясающий научный эффект в виде ошеломительных открытий и новых революционных теоретических прорывов, совершенных на отечественной интеллектуальной почве. Однако этого не произошло. Случилось противоположное: российская обществоведческая наука на несколько десятилетий наполнилась эпигонским повтором («перевариванием») зарубежных и отечественных консервативных, постмодернистских, позитивистских, либеральных и марксистских школ без попытки их критической фильтрации и самостоятельного исследования современности. Понятия «Модерн», «мир-система», «центр», «периферия», «тоталитаризм», «постсовременность», «постобщество», «социальное государство» и т. д. вытеснили прежние, «марксистско-ленинские», понятия и схемы. Причем последние чаще всего просто отбрасывались так же без научной критики, со всем полезным, что в них было.

Ни к каким открытиям, объясняющим глобальные общественные процессы, вспахавшие общественную почву в XX веке, это не привело. Советское общество, советская экономика, причины их рождения и краха, природа постсоветской общественной системы и закономерности постсоветского общественного раз-

вития – все это осталось и остается до сих пор разменной монетой политических и идеологических манипуляций, но не предметом независимого научного поиска. Если в теологии, по выражению Л. Фейербаха, *необъясненное объясняется необъяснимым же*, то в данном случае теоретические проблемы решаются тем, что просто придумываются новые слова, то есть, процедура объяснения сводится к переименованию уже известного или того, что следовало бы понять. Например, в «марксизме-ленинизме» было принято противопоставлять капиталистическое и советское общества до такой степени, что отсутствовало объединяющее их понятие. Однако накопление эмпирических фактов привело к тому, что наряду с различием между ними стало очевидным и общее содержание (просветительский пафос власти, буржуазный горизонт обывательской морали и т. д.). Но вместо того, чтобы представить это как *проблему* (ибо тождество отнюдь не обязательно отменяет различие), было изобретено новое понятие, к которому эти два столь разных общества были подведены, и понятие более всего культурологическое, нежели социо-экономическое: «общество Модерна». Вышло, что Викторианская Англия и французское общество XVIII века и советское общество начала XX века – все это «общества Модерна». Экономические, политические, культурные различия данное понятие не отражает. А можно вообще прибегнуть к чувственному образу и определенный род общественных событий назвать «черными лебедями», как это сделал трейдер и публицист Н. Талеб, за которым последовали многие российские журналисты, словно они, называя катастрофу 9/11 или кризис 2008 года «черными лебедями», делают их яснее.

Предположим, что одна из причин подобного упрощения – высокая степень идеологической несвободы российского академического сообщества. Идеологическая конъюнктура в виде «борьбы с марксизмом» (или его игнорирования) как ценность стала довлеющей и заменила ценность истины. Однако гораздо существенней другое. Само общественное развитие постсоветского общества не порождало ничего такого, что могло бы разрушить сложившуюся в перестроечную эпоху картину мира в ее самых разнообразных идеологических ракурсах – консервативном, либеральном, несоветском и леворадикальном. При всех противоречиях между ними все они, в общем, отражали одну и ту же общественную практику и не выводили за ее пределы.

И вот что-то в российском обществе случилось. Одна за другой стали появляться книги, полные оригинального научного содержания, причем такого, которое указывает на то, что приход новой общественной эпохи уже не за горами. Наиболее ценными – и редкими – из них являются книги по экономике. Одна из них – монография известного российского экономиста Василия Колташова «Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм» – вышла в свет в 2019 г.

Название этой книги много обещает читателю, особенно подзаголовок, обещающий необычным аналитическим исследованием. Автор связывает свои идеи с марксистской традицией. Это имеет свои основания: на первом месте в книге – тема экономических кризисов, классическая для марксизма, эта тема освещается конкретно-исторически, что так же отсылает к нему. Вместе с тем сам анализируемый материал заставляет автора выходить за рамки привычных марксистских схем и дихотомий и обращаться к новым понятиям и методологи-

ческим ходам. Ревизия? Да. Но не как идеология, приспособливающая учение Маркса к политической конъюнктуре, а как научная процедура, обусловленная логикой научного поиска. Например, автор вроде бы использует классические марксистские понятия, скажем, «общественно-экономическая формация» или «диктатура пролетариата», но преломляет их сквозь призму общественных реалий XX века. Так эти понятия конкретизируются, наполняются историческим смыслом, и мы читаем у него уже про «формационные эпохи» и про «экономическую диктатуру пролетариата» – а здесь акценты расставлены уже иначе. Эти акценты были уже высвечены нами (Коряковцев, Вискунов, 2017), В. Колташов продолжает удачно раскрывать их эвристический потенциал.

Другой его «ревизионистский» прием заключается в оригинальной точке зрения на капитализм. Нет, он ничего не пишет о невозможности антикапиталистической альтернативы. Однако эта альтернатива может оказаться реальной лишь при наличии в обществе революционного субъекта, а оный уже на протяжении десятилетий себя практически не обнаруживает или делает это явно недостаточно для свершения антикапиталистической социальной революции. Поэтому В. Колташов обращает внимание на противоречия в практике самих господствующих слоев, заставляющих их менять модели экономического развития. Так он оказывается ближе, нежели представители традиционного истмата, к К. Марксу, который писал в 1867 г.: «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» (Маркс, 1960). Эти формы превращения капитализма до сих пор остаются мало изученными.

С первых страниц книги В. Колташова читатель погружается в анализ кризисов III и XIV веков, коренным образом преобразовавших человечество. Но какое отношение коллапс экономики великого имперского Рима, Китая и государств Центральной Азии имеет к кризисам уже промышленной эры и даже нашей якобы «постиндустриальной эпохи»? Что все это может дать пониманию кризисов в целом и поворотных событий, берущих начало в 2008 году? Очевидно, автор предпринимает исследование этих частных случаев экономических кризисов, чтобы описать и сформулировать закономерности их протекания.

Кризисы приходят, когда важнейшие механизмы экономики теряют эффективность. Нужно показать, что так происходило всегда, хотя условия и особенности кризисов разного уровня (Великих, Больших, и «средних», обычных) были разными. Не поняв этого, едва ли можно уловить те конкретные особенности, которые превратили кризисы 1973–1982 гг. и 2008–2020 гг. в *кризисы-эпохи* или, как называет их Колташов, в Большие кризисы. Это обозначает не количественную величину, а особое качество, за которым скрывается особая цикличность подобных кризисов. Один из них – кризис XIV века – определил черты капитализма, первоначально торгового (здесь вспоминается теория М. Покровского), а затем промышленного. Все они определяют условия общественного развития на десятилетия. Но в истории, как показано в исследовании, были отмечены и кризисы еще большего значения – Великие кризисы.

Стало быть, существует иерархия кризисов; описание этой иерархии мы и находим в данном исследовании.

Экономические кризисы и социальные революции В. Колташов рассматривает как единые общественно-исторические, динамично развивающиеся

организмы. Так, он анализирует революцию во Флоренции, первоначально очень успешную, прошедшую даже собственную фазу реставрации, и все это на фоне экономической катастрофы XIV в. Позднее крушение «социалистического лагеря» показало, что имеется единая экономическая логика у революций, а также общая логика их свертывания. Согласно В. Колташову, это логика буржуазного развития, даже если она прикрывалась социалистической фразой.

После потрясений XIV века, запомнившихся европейцам чумой и голодом, мир вступил в меркантилистскую эпоху. Феодальные отношения еще оставались, но развитие с этого момента определяли уже рыночные методы хозяйствования. Они породили редкие и кажущиеся случайными Большие кризисы. В. Колташов заостряет на них внимание как на предшественниках Больших кризисов промышленного капитализма, регулярно возникавших после тяжелейшего кризиса 1770–1783 годов (его выявление и описание – несомненная заслуга автора). Поворотные ситуации 1973–1982 гг. и 2008–2020 гг. находятся в этом ряду, как и Великая депрессия 1929–1933 гг., и кризис 1873–1880 гг., вызвавший затруднения в теоретических построениях у К. Маркса и Ф. Энгельса.

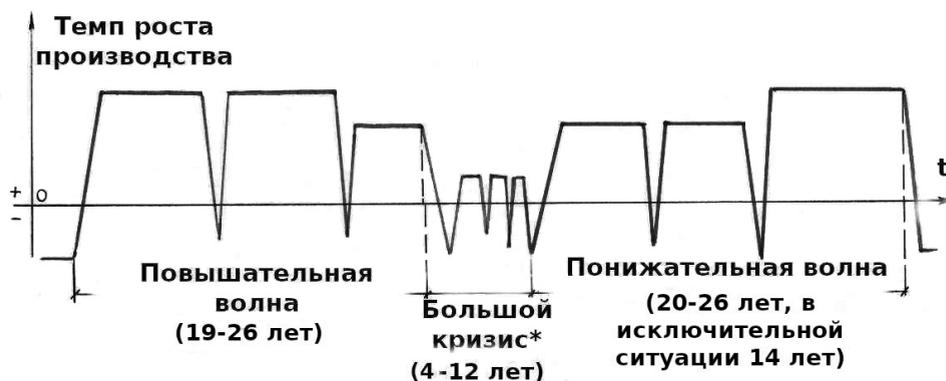
В последней четверти XVIII века родились длинные волны, описанные впервые Н.Д. Кондратьевым. Обнаружив особую цикличность в экономике, он показал: в период всякой большой волны (приблизительно 25 лет) помещаются торгово-промышленные циклы с венчающими их кризисами перепроизводства. Эти циклы, в свою очередь, были описаны французским экономистом К. Жюгляром, четкую теорию кризисов перепроизводства дал К. Маркс в «Капитале». Но отличие кризисов среднего цикла от кризисов цикла большого им не было известно, ибо необходимый исторический материал не был еще накоплен. Он появился и был систематизирован лишь во второй половине XX века. Особую роль в этом сыграл советский экономист Л.А. Мендельсон из Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Отталкиваясь от материала Л.А. Мендельсона, а так же французского историка Ф. Броделя и других ученых, В. Колташов проанализировал экономические повороты 1770–1783 и 1810–1820 годов и обнаружил в них проявления острейших кризисов. В итоге открылась изумительная картина: с конца XVIII века по наши дни всякая длинная волна развития («волна Кондратьева») поднималась и погибала от Большого кризиса (см. рис. 1). Рецензируемое исследование содержит теорию таких кризисов, выраженную достаточно ясно, без нагромождения наукообразной терминологии, несмотря на сложность поднимаемых вопросов.

Исторического материала в книге много, но его могло быть еще больше. Однако задача автора, очевидно, была не в открытии читателю новых фактов, а в том, чтобы расставить известные (а порой и новые факты) на правильные в историческом смысле места. Например, в учебниках экономики об обычных кризисах не забывают. Н.Д. Кондратьев называл их средними и относил их к кризисам среднего цикла, которые можно также назвать торгово-промышленными. Продолжительность таких кризисов невелика. Зато велика продолжительность сменяющих длинные волны Больших кризисов, о которых и пишет В. Колташов. Более того: развитие контрциклической политики приводит к растягиванию таких кризисов, и они обретают многоволновую структуру (см. рис. 2). По слову Ф. Броделя, ураганы, подобные Великой депрессии 1929–1933 гг., превращаются

Рисунок 1 – Большие экономические кризисы до и после промышленного поворота 1770–1783 гг. (Колташов, 2019)

*Динамика большого кризиса показана в наиболее сложном варианте, когда периоды оживления сменяются новыми спадами или депрессиями, более характерной для промышленного капитализма XIX – первой половины XX в. была структура, где за обвалом рынков следовала длительная депрессия (Колташов, 2019).

Рисунок 2 – Повышательная волна, Большой кризис и понижательная волна

в наводнения. Таким образом, новая связь уже известных фактов дает иную картину.

Но сколько бы волн ни имели Большие кризисы, они заканчиваются. Наступает время нового экономического подъема. Анализируя события XVIII–XXI вв., автор показывает, что повышательные волны характеризуются ростом на основе освоения ресурсов мирового рынка в его прежнем размере. Это более качественное освоение ресурсов, их вовлечение в экономический процесс при его технологическом перевооружении. Понижательная волна есть эпоха расширения

глобального рынка, включения в него ранее мало связанных или вовсе изолированных областей планеты. Поистине чудесным по яркости здесь является пример экономического подъема капитализма 1880–1894 гг., когда раздел Африки и иные колониальные захваты дали основу для преодоления тяжелого кризиса 1873–1880 гг. и двух десятилетий экономического роста. Всякая понижательная волна имеет подобную основу, но никогда не лишена развития технологий. Всякий Большой кризис порождает технологическую революцию, стремительное развитие выпуска новых товаров и бум новых отраслей. Но технологические перевороты, утверждает В. Колташов, разнятся в зависимости от задач, стоящих перед экономикой. Не все новое получает право на быстрое развитие.

По сути своей Большие кризисы являются кризисами в рамках вполне обычных торгово-промышленных циклов. Однако описанных К. Марксом в «Капитале» механизмов для их преодоления оказывается недостаточно. Кризисы не завершаются, как только обновляют машины и формы организации труда. Оказывается необходимым создание новых отраслей и новых товаров. Вот что обеспечивает технологическую революцию всякого Большого кризиса.

Какие макроэкономические течения видит В. Колташов в наше время? Для обозначения наиболее перспективного из них он использует слово «неомеркантилизм». Неолиберальная эпоха, эпоха «свободной торговли», ВТО, ВМФ, ВБ и «Вашингтонского консенсуса», с которыми если и не все соглашались, то все терпели, завершилась. С окончанием понижательной волны 1982–2008 гг. и зарождением новой повышательной волны (на долгие 25 лет), наступает время сильного государства, протекционизма и континентальной интеграции в Евразии, а может быть и на других континентах. Неомеркантильная практика становится нормой. Естественно, неомеркантилизм никак не означает сокращение мировой торговли, просто правила становятся иными, и гегемония США ослабевает, рассыпается, отвергается и уходит.

Анализируя Большой кризис, длящийся с 2008 г. по сегодняшний день, автор приходит к выводу о том, что он становится толчком развития промышленного капитала. По его словам, в экономическом соревновании держав добьется успеха тот, кто будет развивать национальное производство. Понимание этого обстоятельства обеспечит успех новых, евразийских, центров развития, но только в том случае, если «невидимая рука рынка» там будет иметь рядом вполне зримую могучую руку государства, точнее, высшей бюрократии. Это касается и России. Рост влияния российского государства на разных экономических направлениях позволяет ему использовать предоставленные историей возможности и отвечать на внешнеполитические вызовы так, как положено отвечать глобальному игроку, а не «вечной сырьевой периферии», куда уже давно, но преждевременно, записали нашу страну.

Содержащийся в монографии прогноз в целом таков: в новую, неомеркантилистскую, эпоху евразийские экономические центры получат возможность ускорить развитие, а в их орбите будут оказываться и меньшие экономики; старые лидеры, такие как США, Великобритания и сильнейшие центры ЕС, будут терять позиции.

Эвристическое значение тезиса о неомеркантилизме велико и оно не раскрыто предыдущим рецензентом данной книги (Фишман, 2020). Он не видит в окружающей действительности ни экономического подъема, ни политических

перемен (рецензия была написана осенью 2019 г.), и этого рецензенту достаточно, чтобы обнаружить в данной идее «порождение скорее идеологии, чем науки» (Фишман, 2020, с. 128). Удивительное суждение! Словно цель науки заключается только в том, чтобы подгонять под какое-либо понятие то, что стало вполне очевидным. Но политические перемены, по крайней мере в России, уже начались. Ушло в отставку либеральное правительство Д. Медведева, состоялась конституционная реформа. До подъема экономики дело еще не дошло, до масштабной реиндустриализации – тоже, однако новая власть в условиях кризиса реагирует на него не так, как либеральные правительства в 1991, 1998, 2008 гг. Причем надо понимать, что мы в настоящее время находимся в самом начале нового политического и экономического процесса, от него нельзя пока ждать завершенных результатов. Идея неомеркантилизма призвана отразить динамику, а не итог перемен. Поэтому отвергать ее только на основании небольших экономических показателей – значит не понимать, о чем идет речь. Это такая же бессмыслица, как, скажем, отрицать перспективу капиталистического развития для XIV в., указывая на отсутствие экономического подъема и политических перемен. Цыплят по осени считают, но «онтологически» они начинают существовать гораздо раньше. Концепция В. Колташова – прогнозная, в этом смысле она следует традиции марксовской концепции, не описывающих то, что и без них видно каждому, а то, что только *становится*.

Суть идеи В. Колташова в том, что неолиберальный капитализм не есть фукуямовский «конец истории», и в то же время он не является непосредственным кануном антикапиталистической революции, как хотелось бы представить дело леворадикальным теоретикам. Возможности последней плохо просматриваются в современном мире, много проще найти больше фактов, подтверждающих именно правоту Фукуямы. Казалось бы, сам Фукуяма уже об этом передумал, в общественной мысли появилось убеждение о кризисе неолиберальной системы... Но динамика ее кризиса до сих пор оставалась неясной, она представляла как «странная не-смерть неолиберализма», по ехидному замечанию К. Крауча (Крауч, 2012). Действительно: если не понятно, чем сменится неолиберализм, если мы не знаем его естественноисторическую границу, то можно бесконечно долго говорить о его кризисе и загнивании, уподобляясь незадачливому советским пропагандистам и бессмысливая сам тезис о его неминуемом конце. Концепция неомеркантилистского поворота как раз отражает те общественные тенденции, которые обозначают конец неолиберальной эпохи – но ни в коем случае не конец капитализма как такового.

Вопрос о революциях в книге является производным из вопроса о кризисах различной иерархии и функций в истории. О них В. Колташов говорит как экономист. Социальные революции, согласно его анализу, тесно связаны с экономическими кризисами, но сами эти революции бывают разными. Кризисы III и XIV веков стали предпосылками важнейших социальных революций в истории классовых обществ. Последний из этих кризисов породил капитализм, который, как считает В. Колташов вопреки часто встречаемому мнению, никак не может быть следствием промышленной революции. В раннюю капиталистическую эпоху развиваются в соперничестве нации, и в обществе возникает потребность в очищении их от феодальных пережитков и внешней зависимости. В этом состоит задача великих *модернизационных* революций. Они могут вы-

глядеть радикально, но об их истинной сути автор предлагает судить не по их лозунгам, а по фазе *реставрации*, которая до него не выводилась как общая для всех революций. Реставрации воплощаются в т.н. Славных революциях, чье экономическое назначение особо выделяется автором постольку, поскольку они придают свершившемуся экономическому перевороту исторически адекватную социально-политическую форму.

Революции, происходившие в Европе начиная с XIV века, автор изображает как воплощения исторического единства с кризисами и реставрациями, только имеющие особые этапы развития. Причем В. Колташова прежде всего интересуют реставрационные процессы, в которых не только проявляются истинные возможности революции преодолеть породивший их национальный кризис, но и симптомы последующего общественного развития.

Так называемая «Славная революция» в Англии 1688–1690 гг. или борьба за торжество Третьей республики во Франции 1870-х гг., оказываются необходимыми для развития наций и вполне логичными в контексте их исторического развития. Предшествовавшие этим внешне отдельным революциям периоды реставрации также закономерны как в экономическом, так и в широком общественном смысле. Автор показывает, что реставрационные периоды были и являются (в случае современных России и Китая) именно *необходимыми этапами* Великих модернизационных революций, которые, однако, несмотря на весь пафос своих кульминационных моментов и радикальных перемен, не выходят за границы капитализма как *формационной эпохи*, берущей свое начало в кризисе XIV века.

Последний тезис автора нам представляется уязвимым, ибо он не учитывает всю полноту структурных сдвигов в капиталистическом способе производства этих стран, масштаб и глубину его превращения. Автор остановился перед интереснейшей проблемой: российское и китайское общества в XX и XXI вв. демонстрируют как отличие от капиталистических обществ, так и сходство с ними. Но решить эту проблему без предпринятого им исследования невозможно. Кроме того, без него невозможно понять логику переживаемого ныне мировым сообществом кризиса и возникающие варианты общественного развития. В этом состоит главное достоинство данного исследования.

Список литературы

1. Колташов, В.Г. (2019). *Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм*. М.: РУСАЙНС.

2. Коряковцев, А.А., Вискунов, С.В. (2017). *Марксизм и полифония разумов*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый.

3. Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. Москва: Издательский дом «Дело».

4. Маркс, К. (1960). Капитал. Том первый. Предисловие к первому изданию. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 23). М.: Политиздат.

5. Фишман, Л. (2020). От неолиберализма к неомеркантилизму? *Мировая экономика и международные отношения*, 64(3), 125–129.

References

1. Fishman, L. (2020). Ot neoliberalizma k neomerkantilizmu? [From neoliberalism to neo-mercantilism?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(3), 125–129.
2. Koltashov, V.G. (2019). *Kapitalizm krizisov i revolyutsii: kak smenyayutsya formatsionnye epokhi, rozhdayutsya dlinnye volny, umirayut restavratsii i nastupaet neomerkantilizm* [Capitalism of crises and revolutions: how do formation epochs change, long waves are born, restorations die, and neo-mercantilism sets in]. M.: RUSAINS.
3. Koryakovtsev, A.A., & Viskunov, S.V. (2017). *Marksizm i polifoniya razumov* [Marxism and the polyphony of reasons] M., Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
4. Krauch, K. (2012). *Strannaya ne-smert neoliberalizma* [The strange non-death of neoliberalism]. Moscow: Izdatelskij dom «Delo».
5. Marks, K. (1960). Kapital. Tom pervyj. Predislovie k pervomu izdaniyu [Capital. Volume one. Preface to the first edition]. In K. Marks, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 23). M.: Politizdat.